Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций XX века

Н.Н. Зарубина

В статье исследуются ценности повседневности и Дома в русской культуре. Указывается на неустойчивость сферы повседневности в условиях реформ, модернизации и глобализации. Она превращается в область риска и дискомфорта. Для усвоения глобальных стандартов необходимо адаптировать их к сфере повседневности в разных районах мира.

Социологи изучают повседневную жизнь как сферу жизнедеятельности, в которой складываются «малые миры» локальных социальных групп, формирующие стандартизированные представления и рутинные социальные действия индивидов. В условиях социальных трансформаций именно повседневность и «малый мир» оказываются, по словам А.С. Ахиезера, «последней баррикадой» защиты общества от роста дезорганизации и хаоса¹.

В России повседневность представляет особую проблему, над которой социологи и философы размышляли на протяжении многих десятилетий. Многочисленные модернизации, начиная с Петра I и включая нынешние реформы, неизменно оказывались деструктивными в отношении повседневности и «малых миров» различных социальных групп. В силу особенностей русской культуры, которые необходимо тщательно проанализировать, повседневность неизменно оказывалась репрессированной или игнорируемой сферой. Поэтому в России повседневность не выполняла функции стабилизации общества, а сама становилась сферой риска.

Современное обществознание вступило в фазу, которую английский социолог Дж. Урри обозначил как «поворот сложности», определяемый изменением социальных реалий: воз-

растанием скорости социальной динамики, ее нелинейным характером, связанным с разрывом преемственности и многими другими факторами. В этих условиях меняется статус повседневности даже в тех западных и восточных культурах, в которых она всегда оставалась прибежищем стабильности. Сегодня мы наблюдаем драматический социокультурный поворот: повседневность становится не только сферой риска, но и его источником.

Все это приводит к росту неуверенности в будущем, тревожности и пессимизма. Согласно проведенному в 2011 г. центром Гэллапа (Gallup International) ежегодному опросу жителей разных стран «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair), общемировой «Индекс уровня надежды» упал на 6 пунктов: от +2% в конце 2010 г. до -4% на данный момент. Это свидетельствует о резком росте уровня пессимизма в мире². Показательно, что лидируют по росту уныния Западная Европа и США — страны не только наиболее экономически развитые, но и характеризующиеся самыми современными институциональными и социокультурными отношениями. А наиболее «оптимистичными» оказываются страны Африки, не отличающиеся высоким уровнем развития экономики и продвинутой современной культурой.

Зарубина Наталья Николаевна – д. филос. н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Россия же в общемировом рейтинге пессимизма оказалась ровно в середине списка (26 место из 50), демонстрируя тем самым свою включенность в общемировую тенденцию.

Безусловно, причиной роста пессимизма стал глобальный экономический кризис, пошатнувший веру в надежность экономических и социальных институтов западных обществ и обостривший тревогу за сохранение прежнего высокого уровня жизни средних классов, их стабильной и благополучной повседневности. В то же время именно кризис сделал очевидным для миллионов людей то, о чем уже давно предупреждали социологи: в современном усложняющемся социуме самые стабильные основы бытия превращаются в источники рисков.

Возможно ли в современном, объективно усложняющемся и становящемся все более рискованным, обществе в сфере повседневной жизни ощущать стабильность и защищенность? Какие перспективы имеет Россия в свете описанных тенденций социокультурного развития?

Неустойчивость повседневности

в России как социокультурная проблема

Под повседневностью у социологов принято понимать процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в *общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий*³. Общеизвестным формам повседневной деятельности соответствуют стабильные структуры сознания и действия, «жизненный мир» как совокупность устойчивых систем ориентаций, позволяющих применять рациональные схемы и оценивать ситуации без дополнительной рефлексии. Это обеспечивает стабильное воспроизведение жизнедеятельности различных социальных групп и общества в целом.

В качестве структурных элементов повседневности исследователи выделяют такие составляющие, как быт, работа и обучение, межличностные отношения и семья, поддержание здоровья, отдых, потребление, способы мобильности и многие другие. Выделение подобных элементов значимо для историко-антропологических описаний, социологических исследований образа жизни или языковых форм концептуализации повседневности, однако для определения ее социокультурного статуса важны прежде всего сущностные характеристики, выделенные представителями феноменологической социологии⁴. К ним относятся:

- во-первых, наличие стабильных форм деятельности, образов достижения стандартизированных целей в виде традиций, правил, привычек, которые не подвергаются сомнению и применяются без дополнительных размышлений и рефлексий;
- во-вторых, сложная диалектика стабильности и изменчивости, наличие своей истории, в ходе которой рутинные правила трансформируются практически незаметно для применяющих их акторов;
- в-третьих, укорененность повседневности в

межличностных отношениях малых «домашних» групп, постоянное значимое и заинтересованное присутствие других;

- в-четвертых, самоочевидная рациональность применяемых форм деятельности и схем интерпретаций.

Особое место в исследованиях повседневности принадлежит концепту Дома. В феноменологии А. Шютца Дом является «нулевой точкой системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нем»⁵. Жизнь Дома включает в себя весь набор стабильных, самоочевидных форм жизнедеятельности и способов интерпретации, разделяемых группой в системе взаимодействий индивидов.

С точки зрения семиотических исследований Ю.М. Лотмана, Дом наделяется смыслом не только безопасностью, защищенностью, но и *культуры*. Дом, таким образом, становится концептом-антиподом страха, хаоса, варварства, одним из самых значимых в сознании практически всех народов. Ю.М. Лотман особо отмечает важность концепта Дома и его оппозиций для развития культуры и общества в целом. Он считал, что «связанные с этой оппозицией архаические модели сознания обнаруживают большую устойчивость и продуктивность в последующей истории культуры»⁶. В русской культуре эта универсальная оппозиция дополняется высшим измерением, олицетворяемым Дорогой, Странствием как метафорой духовных исканий и духовного восхождения, противопоставляемого рутине повседневного бытия.

С повседневностью связана срединная культура, которая, по определению Б.С. Ерасова, формирует устойчивую и непротиворечивую совокупность ценностных ориентаций, снимает напряженность оппозиционных ценностей, формирует устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс на достаточно длительный период. В контексте повседневности на основе срединной культуры складывается устойчивая сеть социальных отношений, обеспечивающая стабильность и единство общества, происходит взаимная адаптация социальных групп и снимаются наиболее острые противоречия⁷.

Повседневность никогда не остается замкнутой системой. Она имеет подвижные и проницаемые границы и пронизана сложными взаимосвязями с «большим миром» политики, высокой культуры, духовной жизни. И в этом смысле она, по выражению Б. Вальденфельса, «сама себя превосходит»⁸. Эти взаимосвязи носят разносторонний характер:

- с одной стороны, повседневность питается «большими» идеями и ценностями через их постепенную рутинизацию;
- с другой стороны, повседневность сама становится источником инноваций, лежащих в основе развития общества.

Примером такой открытости повседневности высшим ценностям и активной политике является блестящий памятник средневековой

русской, допетровской и дониконовской, литературы «Домострой» (XVI в.). В нем детализация устройства повседневной жизни «малого мира» семьи неотрывно связана с представлениями об открытости этого мира как высшим духовным ценностям через восприятие дома как храма, повседневности как служения Богу, так и большой политике через выполнение обязанностей государственной службы.

Чем более устойчивой является повседневность и срединная культура общества, тем более оно устойчиво и жизнеспособно, тем менее травматично протекают в нем разного рода трансформации. В связи с этим необходимо отметить, что одной из главных проблем России на протяжении нескольких столетий является неустойчивость повседневности, которая из сферы стабильности, прибежища от хаоса и неопределенности превращается в зону риска и дискомфорта.

Это подтверждает анализ отношения к повседневности в современной русской культуре, осуществленный социолингвистическими методами на основе анализа словарных массивов и выделения семантических зон оценочных слов, ассоциативно связанных с концептом повседневности. Установлено, что на 12 положительных оценочных слов и 4 нейтральных приходится 59 негативно окрашенных слов, среди которых есть и такие, как «ненормальный», «дурдом», «пляска дикарей», «ужас», «нездоровый», «кошмар», «жестокая», «борьба за существование». Преобладающими по частоте упоминаний оказываются негативные ассоциации, отражающие «скуку», «серость», «тоску», «безотрадность» повседневной жизни⁹.

Такой статус повседневности в русской культуре и в сознании русских является следствием исторического прошлого общества, в котором повседневность оказывается постоянно репрессируемой сферой, и особенностью высокой культуры, недооценивающей повседневность. Можно выделить целый ряд причин такой недооценки, однако мы сосредоточим свое внимание на двух, представляющихся значимыми для ответа на вопрос о судьбе повседневности в контексте социокультурных трансформаций последних столетий.

Во-первых, следует согласиться с Ю.М. Лотманом, который отмечает приоритет взрыва как формы развития русской культуры перед постепенностью. Бинарное противопоставление противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни, включая и повседневность, даже если «взрывные» изменения далеко от нее отстоят. «Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового»¹⁰, – отмечал отечественный мыслитель.

Принципиально иную, тернарную структуру имеет западноевропейская, а также и многие

восточные культуры. Там взрывные изменения в отдельных сферах, например в политическом устройстве, не затрагивают другие сферы бытия, продолжающие развиваться путем постепенного накопления изменений. Этим можно объяснить поражающую наших соотечественников в Европе устойчивость обыденных, повседневных основ жизни при всех потрясениях – революциях, войнах, фашистском оккупационном или принесенном на штыках коммунистическом режиме.

Во-вторых, причиной слабости повседневности в России стала специфика высокой духовной культуры, связанной в первую очередь с православной традицией. Общеизвестно, что православие отличается от других христианских конфессий:

– наиболее последовательным противопоставлением «горнего» мира высшей духовности и мирской жизни;

– сосредоточенностью «на небесном, абсолютном и вечном, на последних судьбах мира... Паря над землей, православное религиозное сознание смотрит на землю с высоты небес»¹¹.

Духовное содержание жизни в православии противопоставляется ее повседневным земным интересам и потребностям, что приводит к двойному обесцениванию повседневности: с одной стороны, она сама по себе лишается того сакрального, душеспасительного смысла, которым наделяется в западном христианстве; с другой стороны, повседневность лишается религиозной рационализации, которая ее структурирует и упорядочивает, придает ей дополнительные факторы устойчивости в виде норм и ценностей, имеющих высшую духовную и нравственную санкцию.

Представляется, именно здесь следует искать глубинные корни ассоциаций между повседневностью и «скукой», «серостью», «тоской». Русский человек, не умея находить в повседневном бытии смысл и интерес, стремился к выходу за ее пределы, в пространства высоких идей и целей. Н.А. Бердяев писал: «Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы»¹².

При этом обустройство, постепенное улучшение повседневной жизни практически всегда казалось чем-то низменным, недостойным внимания. Поэтому повседневность оставалась застойной, унылой сферой «крепкого быта и тяжелой плоти», которая «не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности». В результате «Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью»¹³.

В общественной мысли России в XIX – начале XX в. обозначилась характерная противоречивость: ориентированные на высокую духовность

славянофилы практически отождествляли ее с традиционным русским бытом, не считая нужным что-то предпринимать для его улучшения. А западники и революционеры, в том числе и марксистского направления, формально провозглашая своей целью улучшение повседневной жизни народа, в реальности с легкостью пошли на ее безжалостное разрушение ради абстрактной высокой идеи¹⁴.

Особо сложные и неоднозначные процессы в сфере повседневности в России проявились в ходе многочисленных модернизаций. Здесь проявились и наиболее радикальное пренебрежение повседневностью, и ее откровенное и целенаправленное разрушение во имя мифических конструкций «светлого завтра». В свою очередь, неустойчивость повседневности, «малого жизненного мира» простого человека стала одной из причин модернизационных срывов, выразившихся в нестабильности, социальной поляризации, деградации нравов, аномии, в росте нигилизма и девиаций, неспособности защищаться от неизбежных культурных травм, вызванных ускоряющейся социокультурной динамикой.

Повседневность в российских модернизациях как объект критики и деструкции

Модернизация является особой формой социокультурного развития, в ходе которого трансформации ориентированы на *формирование современного общества*, поэтому в ней заложен потенциально «прогрессивный» вектор изменений. Повседневность в силу ее рутинного характера в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает стабильность и преемственность социокультурных форм, позволяет, по выражению Ю.М. Лотмана, «сохранять в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений»¹⁵.

Важно отметить, что повседневность, хотя и обладает устойчивостью и стабильностью, не протiwостоит изменениям, как утверждают некоторые исследователи. Они считают ее «формой бытия, направленной на самосохранение, а не на саморазвитие, не на выработку новых способов деятельности, а на использование и модификацию образцов»¹⁶. Как показал еще классик исследований повседневности А. Шютц, повседневность постоянно меняется, она подобна реке, в воды которой нельзя войти дважды. Однако все изменения повседневности в тернарных культурах носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, накладываемые на них людьми. «Система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система, – пишет Шютц, – она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью»¹⁷. Поэтому повседневность как особая форма динамичной стабильности и составляет основу социального бытия и обеспечивает устойчивость в условиях социальных трансформаций.

В модернизации вторичного догоняющего типа, к которому относятся и российские модернизации, начиная с Петровских реформ, сильно выражен искусственный, конструктивистский характер создаваемых институтов и структур. Сопровождающие вторичные модернизации социокультурные трансформации происходили по бинарной логике разрушения собственного традиционного устройства бытия и его замены на новые по принципу некритического заимствования чужих форм организации жизни. Начиная с насильственного насаждения новых правил поведения, бритья бород, переодевания в «голландское платье» и т.д., трансформациям подвергся весь «жизненный мир» большинства социальных групп. Формируется оппозиция «старое–новое», «в которой, замечает Ю.М. Лотман, первое мыслится как плохое, неценное, а второе как исполненное достоинства», а также и представление о необходимости бесконечного усовершенствования нового¹⁸.

По мнению некоторых исследователей, именно такие изменения и представляют наибольший риск для повседневной жизни, поскольку все то, что было сконструировано, лишено легитимности естественного порядка, освящения традицией, может быть при желании быть подвергнуто отрицанию. А.С. Панарин отмечал: «Беда России в том, что в ней слишком велика доля сконструированного, а потому соответственно демонтируемого. Каждая встреча поколений оказывается не встречей традиционалистов и новаторов, а, скорее, конструктивистов и деконструктивистов»¹⁹.

Практически все следовавшие за Петровскими реформами российские модернизации бесцеремонно ломали повседневность ради создания новых искусственных конструкций, выказывали полное пренебрежение «малым миром» перед лицом эпохальных социокультурных сдвигов. Однако эти радикальные повороты не были сопряжены с длительными усилиями по упорядочению, рационализации, стабилизации структур повседневности, которые были предприняты на Западе. В революционную эпоху начала XX в., которая, по сути, была индустриальной модернизацией, проводимой под контрмодернизационными лозунгами, быт и повседневность вообще рассматривались как препятствие для строительства «нового мира». Человека стремились насильно изъять из повседневности ради превращения в орудие больших модернизационных проектов коммунистического строительства. Органика «жизненного мира» как исходная экзистенциальная база человеческого опыта была заменена идеологемами и мифами, сконструированными ради осуществления мобилизационных программ.

Однако при этом в России практически не успела сформироваться «дисциплинарная власть», складывавшаяся в Западной Европе с XVIII в. Этот процесс, подробно проанализированный М. Фуко, состоял в систематических репрессиях по отношению к стихийной повседневности традиционного общества со стороны

таких институтов общества модерна, как армия, фабрика, школа, больница, тюрьма и др.²⁰

Деперсонифицированная дисциплинарная власть подчинила «жизненный мир» естественной повседневности, постоянному целенаправленному воспроизводству «правильных» действий, безличному порядку, правилам размещения в пространстве и упорядочения во времени, искусственно выработанным классификациям и ранжированию. Происходившие при этом культурные и ментальные изменения были менее заметными, чем «взрывные» перевороты в политических системах. Однако именно они обеспечили необходимое закрепление институциональных принципов устройства общества модерна в глубинных структурах повседневности западноевропейских обществ, поскольку обращались к индивиду во всей его телесной конкретности и полноте повседневных практик, подразумевая «не изъятие продукта, времени или какого-либо вида службы, но полный охват... тела, жестов, времени, поведения индивида»²¹.

В России при всем радикализме социальных трансформаций и мощи создаваемого при этом бюрократического аппарата именно дисциплинарные институты формировались медленно и не включали всего комплекса повседневности: охват населения систематическим институционализированным, школьным образованием и здравоохранением был незначителен; всеобщая воинская обязанность была введена лишь в середине XIX в.; до самой революции 1917 г. большинство фабричных рабочих сохраняли свои крестьянские корни и общинный (артельный) образ жизни, причем управление фабриками носило по преимуществу не дисциплинарный, а патриархальный характер²².

Систематическое формирование дисциплинарной власти можно связать с индустриализацией и культурной революцией 1930-х гг., начавших строительство «нового быта». Новые способы организации повседневной жизни приобрели устойчивость и стабильность к 1980-м «застойным» гг. XX в. Исследования советского образа жизни стали одним из направлений социологических исследований, призванных продемонстрировать его реальные достижения и преимущества. Одним из таких реальных преимуществ, несомненно, стала широко пропагандировавшаяся «уверенность в завтрашнем дне»²³. Однако новый, советский образ жизни и вся повседневность имели небольшую глубину истории, сохранили очень мало преемственных форм с дореволюционными, поскольку изначально были построены на их отрицании. В этом была принципиальная уязвимость советской повседневной культуры, ставшей, в свою очередь, объектом деструкции в период «перестройки».

В этом смысле можно говорить о России как самой, по существу, нетрадиционалистской стране. Соответственно проблема российских преобразований, включая «перестройку» и рыночные реформы 1990-х гг. XX в., состояла не в торможении преобразований «реакционными

традициями», как часто утверждают неудачливые реформаторы. Причина – в отсутствии устойчивого срединного, повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. Главная проблема при этом состоит не столько в сопровождающих трансформации и модернизации потерях в экономике, бытовых неурядицах и т.п., сколько в необходимости каждый раз переопределять практически все структуры повседневного бытия, содержание социальных ролей, правила действий, стереотипные интерпретации и оценки.

При этом отношение к повседневности нынешней российской модернизации, начиная с «перестройки», неоднозначно и по явно выраженным целям, и по латентным последствиям. С одной стороны, в России в конце XX в. произошел не только демонтаж политической системы, централизованной плановой экономики и «идеологических ценностей» советской эпохи. Принципиально важно, что этот демонтаж сопровождался и радикальными трансформациями сложившейся повседневности большинства социальных групп. Для одних потеря социального статуса и бывшего благосостояния привела к аномии, моральной деградации, развитию деструктивности в отношении себя (пьянству, наркомании и т.п.). Быстрый рост благосостояния других, «новых русских», также привел к радикальным изменениям повседневности, которые не были подготовлены предыдущим развитием, кумулятивными структурными изменениями. В результате отсутствие повседневной культуры богатства, стандартов поведения богатых социальных групп, которые в обществах Западной Европы нарабатывались поколениями высших классов, привело к росту аномии и в этих, казалось бы, благополучных группах.

Прежние ценности, связанные с ними правила поведения, роли и статусы, оценки, целеполагание и формы рациональности также претерпели существенные изменения, а иногда даже изменились на противоположные. Авторы социологического исследования «Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений» отмечают, что по сравнению с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями»²⁴. В результате формируется повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

С другой стороны, и в «перестройку», и в постперестроечный период повседневность в ее бытовых измерениях стала объектом культивирования в контексте распространения потребительских практик. Практически прекратилось

мобилизационное вовлечение населения в политическую жизнь, что привело к постепенному погружению большинства в жизнь частную. По данным современных социологических опросов, большинство россиян именно сферу «малого мира» семьи, родственных и дружеских отношений оценивает наиболее позитивно, интересы семьи и связанные с ней цели считает, безусловно, приоритетными²⁵.

В то же время с ростом внимания к устройству повседневной жизни в ее бытовых аспектах в российском обществе рубежа XX–XXI вв. стали утрачиваться такие важные качества повседневности, как ее открытость «большому миру» и высокой культуре. Социологические опросы первого десятилетия XXI в. показывают снижение политического участия и интереса к политике и общественной жизни, рост нетворческого, эгоистического индивидуализма, рост иррационализма, утрату веры в науку и общественный прогресс, нежелание нести ответственность за судьбу своей страны²⁶.

Авторы проекта «Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений» на основе анализа данных эмпирических исследований различных аспектов повседневности современной России утверждают: «Представляется, что общая оценка инноваций повседневных практик и социальных представлений россиян имеет негативный характер. Они несут, скорее, экономические и моральные потери российскому обществу, нежели позитивные тенденции преодоления сформировавшихся экономических проблем»²⁷.

Таким образом, динамика повседневности в условиях трансформаций и модернизаций российского общества усиливает ее неустойчивость. Даже культивирование бытовой повседневности приводит к нарастанию рисков для общества, деградации сознания и росту его примитивных форм, редукции сложных социальных проблем к бытовым, нарастанию эгоизма и ограниченности. Однако пренебрежение проблемами повседневности в социальном смысле этого понятия приводит к тому, что не происходит накопления стабильных, самоочевидных форм сознания и жизнедеятельности, которые составляют основу витальности общества в целом. Вместо накопления социального опыта происходит его энтропия.

Новые риски повседневности

в сложном глоболокальном социуме

Особенность нынешнего этапа модернизации России состоит в том, что он совпадает с глубокими социокультурными трансформациями – глобализацией, распространением стандартов общества потребления, становлением информационного общества и появлением социокультурных признаков постмодерна. Социум становится все более сложным и турбулентным, обретая при этом качественно новые характеристики. Эти трансформации, в отличие от модернизации, не являются направленными и прогрессивными, а, напротив, оказываются нелинейными, не-

преднамеренными и лишенными устойчивого вектора развития. Они порождают новые риски для повседневности. Проблемы повседневности в контексте сложного, нелинейно развивающегося социума рассматривались на X Конференции Европейской социологической ассоциации (EAS) «Социальные отношения в турбулентные времена» в Женеве в сентябре 2011 г.²⁸.

Социологи связывают усложнение современного общества с возрастанием скорости социальных изменений²⁹. В «текущей современности» (З. Бауман) глобального мира повседневность все в меньшей степени сохраняет свою функцию прибежища стабильности, поскольку присущая ей гибкость и подвижность не успевает за быстрыми изменениями информационной, материальной, культурной, социальной среды. Из сферы стабильности повседневность все больше превращается в сферу риска, источником которого становится именно то, что раньше давало безопасность, – ее устойчивые структуры.

Один из крупнейших исследователей современности Э. Гидденс показал, что смысловые поля обыденности – «*Umwelt*» – представляют собой структуры рационализации, применяемые социальными акторами для прогнозирования и анализа возможностей будущего, в том числе и рисков. В ходе такого осмысления будущего происходит соединение рефлексивности и рутинны на основе прошлого опыта, закрепленного в обыденном знании, что ограничивает, а нередко и блокирует возможности восприятия и предвидения того, что в этом опыте не содержится или ему противоречит. Таким образом, все то, что в данный момент не очевидно и никак не запечатлено в памяти прошлого, не расценивается как угроза или риск³⁰.

Поскольку в современном обществе происходит быстрое и радикальное обновление жизненных ситуаций, это свойство повседневного опыта становится значимым риском для адаптивных возможностей большинства акторов, не умеющих за рамки такого опыта выходить.

Условия современной жизни требуют мобильности и динамизма, способности к быстрым изменениям, затрагивающим все уровни социального бытия, включая повседневность. Экономические и экологические риски, создаваемые новыми технологиями производства и его глобальной мобильностью, вынуждают современного человека быстро менять потребительские привычки, бытовой уклад, а также по возможности место работы, жительства и т.д. От современных рисков может защититься тот, кто способен наиболее эффективно просчитывать их вероятность и последствия, кто обладает достаточными социальными, культурными и экономическими ресурсами, чтобы быстро «уйти» из опасной зоны. Преимущества получает тот, кто сам способен быть инициатором новаций. Напротив, стремление сохранить условия бытия неизменными, продолжать полагаться на

сложившиеся структуры в быстро меняющихся внешних обстоятельствах, чревато дополнительными отложенными рисками.

При этом постоянные изменения, мобильность и динамичность навязываются в качестве атрибута современности. Приверженность обычаям, устоявшимся образцам, верность традициям и даже привычкам интерпретируются как признаки «отсталости». Поэтому тот, кто не хочет рисковать своим символическим капиталом, должен стремиться успевать за быстрыми изменениями не только моды, но и информации, профессиональных навыков, рыночной конъюнктуры и т.д. Проблемой современного человека становится не наличие жестких норм, образцов, обычаев, ограничивающих его свободу, а, наоборот, отсутствие таковых вследствие чрезвычайного обилия предлагаемых вариантов. Современный человек уже не может положиться на однажды сложившиеся структуры повседневности, а должен сам выбирать их для себя из множества возможных. Соответственно нести ответственность и все бремя риска такого выбора приходится самому человеку, поэтому его повседневность все больше становится источником не стабильности и надежности, а тревоги и неуверенности.

Еще одним из важнейших факторов увеличения сложности социума стала глобализация. Не оправдались первоначально связанные с глобализацией ожидания, что она ведет к выравниванию стандартов повседневного бытия на основе формирования единого информационного и экономического пространства и унификации определенных нормативных стандартов и символических систем. Напротив, она усиливает неравенство еще и потому, что разрушает уже сложившиеся формы повседневности. Как отметил А.С. Панарин, «глобализация означает новую, еще небывалую степень противостояния дальнего и ближнего миров: открывается перспектива полной отчужденности дальнего мира глобалистов от ближнего мира народной повседневности»³¹.

Одним из последствий глобализации оказывается так называемое «исключающее развитие»³², состоящее в том, что под воздействием логики виртуальных глобальных сетей финансовых, информационных, властных решений происходит постоянное реструктурирование территорий и мест, приводящее к исключению целых регионов, а также социальных групп из глобальных взаимодействий. Для России вопрос о перспективных и «неперспективных», развивающихся и «депрессивных» регионах был актуален и в период советской индустриальной модернизации. Но именно в конце XX в., в связи с интеграцией в глобальную экономику, встал вопрос о «нужных» и «ненужных» территориях, о фактическом разделении страны на те регионы, которые имеют будущее с точки зрения их включения в глобальное развитие и не имеют будущего и обречены стать глубокой

периферией. С.А. Кравченко в этой связи говорит об «образовании некоммуникабельных пространств нефункционального и дисфункционального толка», о новой сегментации и анклализации социальных пространств³³.

В таких исключенных из общего развития социальных пространствах происходит стремительная деградация повседневной жизни: «...сейчас в России есть несколько моделей обыденной жизни, которые лежат как будто в разных измерениях. Одна – за трехметровым забором с охранниками и собаками. Другая – в покосившемся доме, где вдоль штакетника утром собирают бутылки и сдают по десятке за штуку. Фактически... расслоение общества зашло настолько глубоко, что о «единстве» разных его групп говорить нельзя»³⁴.

С «исключающим развитием» связан и такой фактор роста сложности социума, как трансформация социального времени, в результате которой возникает эффект временного диссинхронизма, проявляющийся в сосуществовании различных темпов³⁵. Реально это означает, что в сложном обществе сосуществуют акторы и структуры, живущие и развивающиеся в различных темпах и ритмах. Но если парадигма модернизации в ее классическом варианте предполагает устранение разрывов между традиционными и современными темпами, то в сложном глоболокальном социуме утверждается их параллельное существование. Оно влечет за собой, по мнению С.А. Кравченко, появление «новых маргинальных групп, а возможно, и новых опасных классов», то есть людей, в силу разных обстоятельств не способных адаптироваться к ускоряющейся модернизации и образующих «социальные гетто» XXI в.³⁶.

С глобализацией тесно связан такой фактор усложнения современного общества, как возрастание его открытости, которая также приводит к усилению рисков повседневности. В условиях растущей открытости ускорились старение существующих социальных структур и институтов и их разрушение под влиянием новых вызовов, требующих немедленной реакции³⁷.

Одной из форм не прямой деструкции, а латентного разрушения повседневности локальных «жизненных миров» является распространение глобальной потребительской культуры. Ее можно назвать «Троянским конем» для повседневности, поскольку явно глобальная потребительская культура способствует ее развитию, утверждая приоритетную ценность таких аспектов повседневности, как бытовой комфорт, обладание вещами как краткосрочного, так и длительного пользования, досуг, развлечения и т.п.

Специфика потребления в современном обществе состоит в том, что оно из необходимого способа жизнеобеспечения превращается в механизм поддержания производства, поэтому культивируется как бесконечный, не знающий

пределов процесс, смысл которого в нем самом. Латентно глобальная потребительская культура означает непрерывное обесценивание жизненных стандартов, поскольку объект стремления утрачивает ценность, как только оказывается приобретенным, удовлетворение приносит не реализация желаний, а само наличие желания. Современный потребитель мыслит не реальными вещами и их потребительскими качествами, а символами вещей и их символическими свойствами. Он все больше ориентируется не на самовоспроизводящиеся культурные образцы, а искусственно сконструированные и распространяемые массовой культурой мифы.

Устойчивые прежде «жизненные миры» повседневности различных социальных групп подвергаются символическому насилию, критикуются, высмеиваются, с тем чтобы вызвать неудовлетворенность, стремление что-то изменить через модификацию потребительских стандартов: поменять старую одежду, мебель, машину и т.д. на новые не из-за утраты ими реальных полезных качеств, а ради собственного престижа. Таким образом, влияние открытости общества на повседневные практики оказывается рискованным и амбивалентным.

С одной стороны, в последние годы российские социологи отмечают, хотя и очень неравномерное, улучшение и осовременивание повседневной жизни в ее бытовых и материальных аспектах³⁸. Именно поддержка со стороны близких является единственным положительно окрашенным чувством, которое распространено среди населения России действительно широко³⁹.

С другой – нарастает неуверенность в будущем, ощущение неустойчивости и ненадежности повседневной жизни. Характерно, что даже ощущение поддержки близкого окружения варьируется в различных социальных группах и меньше всего выражено среди низкодоходных групп, пенсионеров, рабочих, жителей сел. Российские социологи делают неутешительные выводы: «Это говорит об опережающем разрушении традиционных для российской культуры отношений внутрисемейной и межсемейной взаимопомощи именно там, где, казалось бы, она должна была прочнее всего сохраняться – в так называемой «малой России»⁴⁰. Среди этих групп растет и чувство неуверенности в будущем и неспособности самостоятельно управлять собственной жизнью – то есть увеличивается отчуждение людей от собственной повседневности и от самих себя⁴¹.

Однако, несмотря на описанные противоречивые тенденции, именно повседневность продолжает оставаться той бытийной основой, тем способом осмысления реальности в межличностных взаимодействиях «малого мира», который если не обеспечивает стабильность, то по крайней мере способствует наиболее безболезненной адаптации к переменам. Социологами уже проведены исследования и создана

обширная литература, посвященная способам и формам адаптации глобальных структур к локальным условиям. И из нее явственно видно, что именно «малый мир» повседневности оказывается тем «плавающим тиглем»⁴², в котором они перерабатываются и усваиваются локальными сообществами.

В связи с этим интересна концепция «глобализации «ничто»» американского социолога Дж. Ритцера, который утверждает, что глобальные ценности, стереотипы действий, организационные формы и т.п. имеют способность распространяться по всему миру потому, что сами по себе они не несут ни социокультурной, ни географической, ни исторической специфики. В этом смысле они являются «пустыми» социокультурными формами – «ничто» («nothing»). Чтобы стать реальными структурами повседневной жизни, глобальные стандарты должны стать «нечто» («something»), т.е. реинтерпретироваться, приобрести новый смысл в процессе их усвоения локальными «жизненными мирами», каждым по-своему в разных регионах мира⁴³.

Таким образом, сохранение и воспроизводство смысловых структур повседневности является важнейшим условием поддержания стабильности общества в условиях модернизации. Однако для России устойчивость повседневности остается нерешенной проблемой вследствие невнимания и даже пренебрежения со стороны модернизационных элит. В результате происходит не накопление, а энтропия социального опыта, разрушение социальных связей и межличностных отношений на уровне «малых миров» различных социальных групп. В условиях усложнения и ускорения социальной динамики современного глобального общества, частью которого является Россия, это создает дополнительные риски. «Малые миры» семьи, личного общения, профессиональных, трудовых и деловых сообществ, групп по интересам и многих других форм социальных взаимодействий, представляют собой большую социокультурную ценность для минимизации этих рисков, поэтому они нуждаются в поддержке, бережном сохранении и воспроизводстве.

Zarubina N.N. *The Risks of Everyday Life in a Complex Society: the Experience of Russian Modernizations of the Twentieth Century.*

Summary: *The values of everyday life and the Home in Russian culture are discussed. The Author argues that the Reforms, modernization and globalization provide instability of the sphere of everyday life. It produces risks and discomforts. To master the global standards it is necessary to adapt them for the everyday life sphere in different areas of the world.*

Ключевые слова

Повседневность, модернизация, глобализация, общество массового потребления.

Keywords

Everyday life, modernization, globalization, society of mass consumption.

Примечания

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. III. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. С. 245.
2. См.: Гуманитарное развитие в России и за рубежом. Экспертно-аналитический портал -<http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/26/3783> от 7.01.2012.
3. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Альфа-М, 2009. С. 3.
4. См.: Шютц А. Чужой // А. Шютц. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: И-т Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 194-197.
5. Шютц А. Возвращающийся домой // А. Шютц. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: И-т Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 209.
6. Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 457.
7. См.: Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 136-137.
8. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 49-50.
9. См.: Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. С. 123-126.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 268.
11. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. №2. С. 60.
12. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 21.
13. Там же.
14. Там же. С. 218.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв... С. 268.
16. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. С. 262.
17. Шютц А. Возвращающийся домой... С. 215.
18. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы в типологии русской культуры XI-XIX веков. В кн.: Лотман Ю.М. Чему учатся люди. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 207.
19. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // А.С.Панарин. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 170.
20. См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с французского В. Наумова. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999; Его же. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 году. СПб.: Наука, 2007.
21. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 году. СПб.: Наука, 2007. С. 64.
22. См.: Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 56.
23. См.: Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С. 40-41.
24. Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С. 49.
25. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли Российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. С. 13,54.
26. См.: Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 58-59.
27. См.: Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С. 197-198.
28. См.: Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. Geneva, 7-10 September 2011 // http://www.esa10thconference.com/programme/ESA2011_Abstracts_Book.pdf
29. См.: Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодный выпуск 9. М.: Новый хронограф, 2010. С. 31-32.
30. См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 124-133.
31. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма... С. 170.
32. См.: Кагельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 392, 403.
33. См.: Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодный выпуск 9. М.: Новый хронограф, 2010. С. 30-31.
34. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 247.
35. Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы... С. 32.
36. Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы... С. 33.
37. См.: Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009.
38. См.: Российская повседневность в условиях кризиса... С. 130, 138.
39. См.: Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2011. С. 60-61.
40. Там же. С. 62.
41. Там же. С. 63.
42. См.: Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 49.
43. См.: Ritzer, G. The Globalization of Nothing. L.: Pine Forge Press, 2004. Pp. 3, 8, 13.